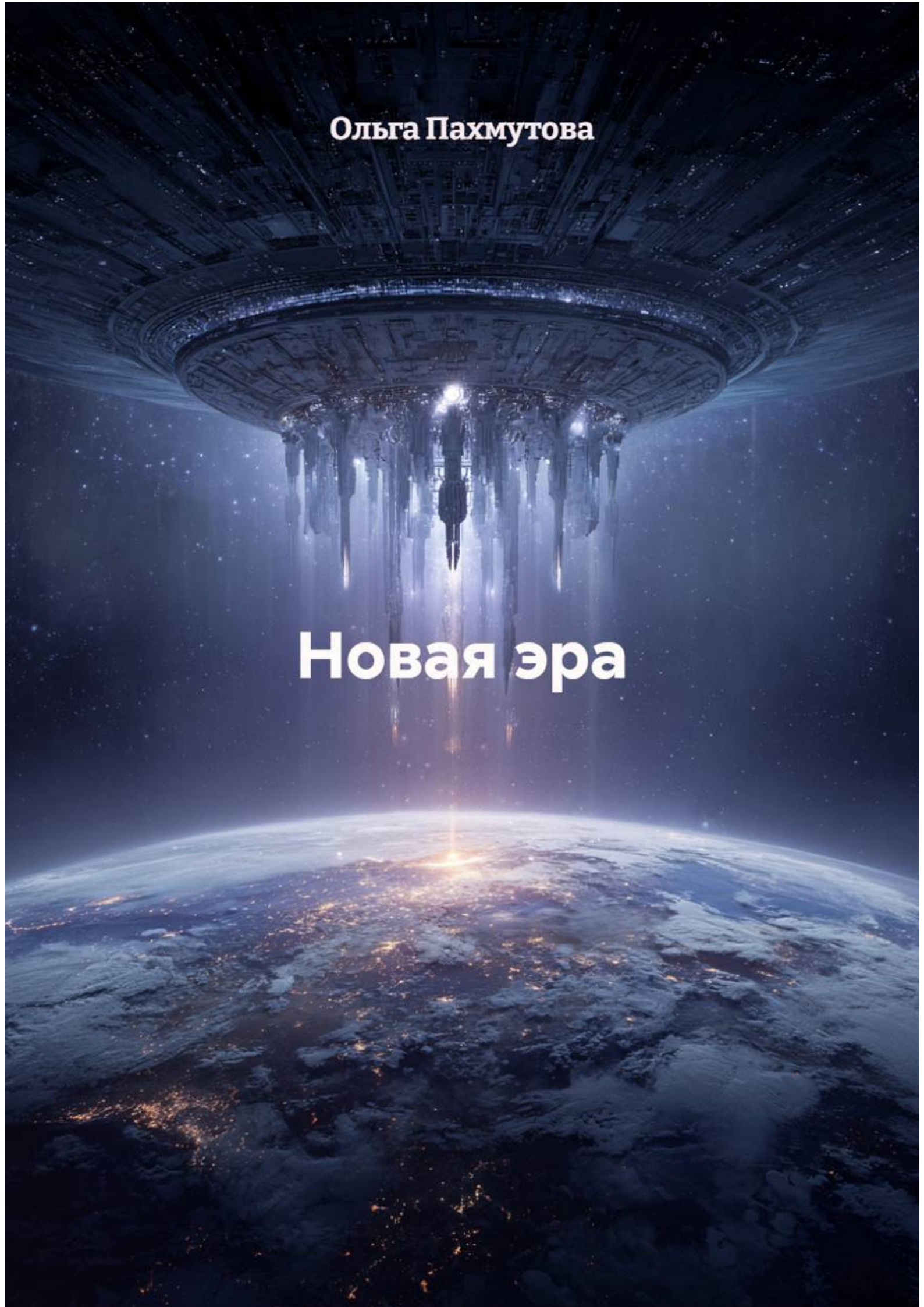

Ольга Пахмутова

Новая эра

Ольга Пахмутова

Новая эра

«Автор»

2026

Пахмутова О.

Новая эра / О. Пахмутова — «Автор», 2026

Если бы вы заглянули в окно 2212 года, вы бы увидели планету, совсем не похожую на ту, которую когда-то знали. Земля будто подросток, который слишком быстро вырос и теперь неловко тянет руки к звёздам – уже не ребёнок, но ещё и не взрослый обитатель космоса. Она разбрасывает свои станции, спутники и зонды по Солнечной системе, будто марки на новую коллекцию альбома. Тем временем на самой Земле дышать становится всё труднее – воздуха ни вдохнуть нормально, ни вздохнуть спокойно. Воды в реках хватает разве что на пару промышленных котлов. Человечество бьётся за последний глоток и пытается придумать нечто отчаянное... На свет появляется корабль-ковчег «Возрождение» — не металлический ящик с винтами, а скорее надежда на человечество длиною в звёздный прыжок. Это попытка начать всё сначала вдали от умирающего дома.

© Пахмутова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Первый звонок	10
Глава 2. Отрыв	17
Глава 3. Сторож	20
Глава 4. Пробуждение	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ольга Пахмутова

Новая эра

Пролог

2212 год. Орбитальный комплекс «Гелиос», точка Лагранжа L1. 23:47 по земному времени.

Лиру Сааль никогда бы не угадало представить, что однажды она будет в буквальном смысле молиться свету. Но вот она стоит — посреди командного ядра орбитальной станции, глядя на танец огней голографических панелей, ощущая рядом с кожей тепло настоящих приборов (эти пахнут озоном и разогретой керамикой, как всегда перед запуском чего-то важного). Тонкие перчатки облегают пальцы — тактильная прослойка между ней и приводом ПСКИ, некогда просто резервным элементом системы ЗАСЛОН, теперь — последним словом обороны. За стенами купола тянется чернильная тьма космоса — а в самой её глубине зависло то, чему здесь не место. Огненный вихрь из плазмы. Не природный катаклизм — его не выпишешь по учебнику астрофизики. Вихрь не мечется беспорядочно; он будто выбирает ритм, размеренно сокращается и расширяется, как сердце сверхъестественного зверя после зимней спячки. В геометрическом центре этого явления таится нечто куда менее очевидное для оптики и сенсоров: марсианский артефакт. Тот самый, который разбудили.

— Лира, осталось пятнадцать минут до критического расширения! — истерически пробивается сквозь шум гарнитуры голос оператора связи. Чертыхается в душе, наверное. — Я знаю последствия, — отрезает она резко и холодно. Не до сантиментов; не сейчас. Грубые слова ей были несвойственны, но в этот момент переговоры надо было вести на языке кодов, а не вежливых реверансов. Взгляд по команде: лучшие светотехники всей станции застыли и ждут сигнала на своих местах. Их лица отливают зелёным отблеском экранов; глаза горят — волнуются? Да нет, они правда готовы. — По секторам докладывайтесь!

— ПСПП-блоки вошли в режим передачи! Проекторы готовы к импульсу!

— ПСЗП тянут на 94% мощности... заградительные блоки стабильны!

— Сеть ПСКО синхронизирована до последнего узла!

— ПСВУ держу в резерве... визуальные модули ждут команды!

Лира выдыхает медленно — если вообще дышала последние пять минут? Семь десятилетий назад строили всё это ради защиты: стена света против невидимых врагов. Иронично: сейчас эта же стена должна протянуть руку, вместо того чтобы оттолкнуть. Ну что ж... играем дальше. — Итак. Протокол «Резонанс». Первый этап: свести ПСКИ и ПСПИ. Нежные прикосновения к сенсорам — на пульте вспыхнули кольца холодного света: сначала синие росчерки алфавита аварии, потом белые прожилки надежды... и вдруг — глубокий янтарь (такого обычно система стыдливо избегает).

Над станцией первый луч прорезал толщу космоса: тонкий стержень света — отдачу почувствовали даже через защиту фильтров. Луч чётко бьёт в центр плазменного сердца вихря. Всё на мгновение замирает вместе с ним. — Контакт... Артефакт отвечает! Он на сигнал реагирует Боже мой. — Работать!

Второй этап: каскад передачи через сеть ПСКО! Последовательность символов длиннее любого человеческого пароля — тысяча двести восемь знаков, вычисленных ночью без сна по данным с марсианского объекта. Это первая попытка человечества написать «привет» иному разуму или идеальная авантюра масштаба коллективной гибели.

Экраны подают знакомое мерцание:— ПСКО-сеть держит импульс.— Проекторы выводим на пик мощности.Страх скачет где-то между пульсом и ладонями; она сжимает кулак прямо с перчаткой.— Команда! Финальный этап: резонансная линия!Она перевела тумблер — блоки подавления освободились от прежней задачи (будто снова учатся ходить). Сегодня их используют по-другому – вместо шлагбаума они становятся дорогой вперёд.— Три...Большинство членов команды отсчитывает хором хоть и дрожащими голосами:— Два...— Один...Щелчок кнопки звучит громче реального взрыва где-нибудь за бортом.

«Гелиос» вспыхивает на всю систему: сотня прожекторов по всей орбите Райской машины складывает свои лучи в невиданную доселе сеть-паутину; серебристая ткань света растекается вокруг вихря массой волн-кодов-бинарников-дыханий. Чистое воздействие на уровне физики-природы-чуда.Свет проникает внутрь плазменного облака – вся масса вихря будто замирает ноткой выжидания, а потом начинает изменяться прямо у нее на глазах.Исполинское облако с хаотичной структурой моментально скручивается в спираль – ровную, идеальную геометрически до абсурдности.Буквально посередине рождается белая точка – сверкающая настолько чисто, насколько вообще умеет материал выполнять чужую волю.Точка бьётся с частотой кода.

– Резонанс установлен – произносит система почти прежним металлическим эхом только теперь есть лёгкая робкая интонация посередине каждой фразы.

— Стабильно держится?— 99,8%. Линия устойчива.Лишённое кислорода послевкусие страха быстро сменяет очень тихий экстаз облегчения (ребята позади выглядят людьми сразу из двух эпох: то ли боги-покорители космоса впервые разглядели новый материк у горизонта ,то ли дети увидели сверхъестественное чудо).Лира наконец разрешает себе вдохнуть — Мы сделали это.

Даже трудно подобрать нужные слова под первый контакт такой величины — КАРТА солнечной системы медленно оживает новыми точками световых соединений между узлами ЗАСЛОНа Теперь это уже больше чем просто щит.Семьдесят лет мы строили себе стену — выходит хотелось моста.Точка света над станцией чуть заметно меняет ритм пульсации; словно смотрит назад через абиссаль космоса и даёт своё первое немое приветствие.

Возможно,это только начало разговора о самом главном.Для человечества шаг за пределы привычного мироздания оказался неожиданно простым. Не прыжком через пропасть вооружённых экспедиций,но вспышкой света сквозь темноту неизвестности.Удивительно – иногда настоящий мост оказывается построенным вовсе не из стали или бетона,а из узоров света в холодном вакууме межпланетных расстояний.ЗАСЛОН получил свой парадоксальный финал:стены перестали отделять –они соединили нас с будущим Земли движением хрупких фотонов меж звёздами.

2215 год.

Земля давно уже не дом, а скорее склад старого металлолома и химикатов — выхлопы прошлых веков душат планету сильнее любой пандемии. Дышать можно по расписанию: воздух очищают, разливают буквально по порциям. Жизнь держится на воде — если верить СМИ, экономика давно крутится вокруг ледяных миллилитров, а не виртуальных токенов. Главная «копилка» воды — за семью печатями в Арктике, да и в «Куполе», над которым трещит северное небо. Рай для избранных.

Но все бессмертные человечества ищет где-то подальше — снаружи. В космос уйма миссий, одна громче другой: «Ковчег-1», «Гайя», «Звёздный странник»... Их запускали под фанфары, прощались как с детьми на первую войну, но каждый исчезал как по команде: ни сигнала, ни горелой обшивки, ни даже слухов у торговцев запчастями. Космос глотал корабли как игральные кости — раз и пусто. Почти ритуальное молчание в новостях: «не вернулись». Простые люди за пивом пересказывали иначе: ушли кормить чёрную дыру.

И вот новая попытка — кажется последняя, на которую осталась энергия у энтузиастов и вера у прагматиков. Группа российских учёных (страна не в авангарде мирового лидерства, но кое-где ещё рулит чудесами инженерии) создаёт корабль нового класса. Об устройстве — шёпот да недосказанность: двигатель вроде бы из будущего, детали под грифом "строго секретно", а название дают символическое — «Возрождение». И сразу открывают набор в эки-

паж. Последний этап отбора похож на голливудское реалити-шоу для психофизиологов (примесь паранойи обеспечена): придумайте стресс круче симулятора аварии? Да запросто! Нужно не просто поковырять провода или поплакать под датчиком эмоций. Требуется коллективно решать задачи на грани инфаркта – так называемый «коэффициент командной синергии», за которым психологи наблюдают пристальнее, чем сами кандидаты смотрят на дисплей с результатами испытаний.

Вот в одной группе вдруг оказываются вместе Ива (тот ещё ироничный тип), братья Кирилл и Мефодий (про них ходят легенды среди электронщиков), и Лия (любимица тёмных аналитиков и AI-модулей). Задание простое – учебная авария: модуль копия настоящего корабельного отсека, пахнет раскалённым пластиком и озоном от фальш-искрящих проводов; сирена орёт именно тем тоном, что бьёт прямо в рефлекс паники. Организаторы умело смешали хаос: мигание фар стробоскопом выхватывал глаза из темноты, звук утечки воздуха сбивал с толку вариациями шипения («голоса смерти», сказали бы во Франции). Голос искусственного интеллекта монотонно считал секунды до условного взрыва реактора – неподдельное ощущение надвигающейся катастрофы рулило всеми процессами.

Какая натуральность! Паника очень быстро стала живой: одна девушка (в прошлом лауреат премий по кибернетике!) с визгом бросилась ломиться через люк или хоть куда-нибудь; классика жанра действуй-беги-бей. Другой испытуемый – герой спортивной орбиты – вообще замер перед мигающими строками кода и всем своим видом напоминая зависший терминал.

Ива заметил это шоу с привычной смесью цинизма и сочувствия:— Ну что ж, кажется мы здесь не ради победы над системой, а ради красивого финала? Может хотя бы попробуем выжить? Кто тут спец по кнопкам? Не крикнул "Спокойствие!", а предложил делать шаг за шагом — и этот тональный якорь сработал лучше любого лекарства от тревоги. Братья вообще будто невидимой нитью связаны: миг — и один уже общается с панелями тактильно вслепую (почти медитация), а второй отсоединяет части декоративной обшивки вручную, будто так и должен быть.— Контур охлаждения заблокирован специально – холодно констатирует первый.— Коррозия вторичной петли сделана нарочно... – резко добавляет второй. Диалог короткий-понятный только им двоим; они чувствуют логику теста сквозь слепую железку.

Лия сразу взяла коммуникацию в свои руки — распределяя роли не приказом сверху (это бесполезно с профессионалами!), а будто невидимо вплетая интуитивные ходы каждого в общий план:

— Технические сбои ваши; паникёры — следите за экранами вслух: уровень СО, давление, температура.

Паникующие получили задачу простую до автоматизма, и это спасло их от полного провала; человек ведь часто спасается иллюзией контроля хоть над чем-то.

Братья обошли проблемы по-крупному: ничего чинить прямо не нужно! Они замкнули узлы через обходы; тест оказался ловушкой именно для мыслящих шаблонно участников — но не для технарей с чутьём системы выше конструктора. Техника снова работала без сюрпризов?

Тогда пора применять грубую силу с юмором: Ива подошел к заклинившему люку и театрально хлопнул кулаком именно там, где нужно («профессиональный опыт общения с упрямыми дверьми!») — гидравлика зашипела, сдаваясь. Кирилл оценил усилие сухим взглядом инженера:

— Пять целых две десятых килограмма силы ровно по точке резонанса. Ива улыбнулся:

— Люди обычно открываются точно так же...

Лия наблюдала со стороны, чуть смягчаясь в глазах: она впервые видела поведение за пределами алгоритма своей схемы оценок.

Вот оно настоящее «неожиданное лидерование» в экстремальной ситуации!

С задачей справились за 7 минут. Сирена стихала цифровым эхом; кто-то тихо вышел из симулятора, понимая свою проигрышную роль для будущего. Четверо задержались в полутьме шлюза без рукопожатий.

— Ну что, команда? Теперь они точно знают ,кто выдержит больше одного неприятного сигнала тревоги... – произнес Ива.

Лия зафиксировала итог уже не как сторонний наблюдатель или экзаменатор:

— Завожу протокол явного синергетического лидерства и рекомендую этих троих к основному составу.

И всё же главное между ними уже случилось без протокола или отметки психодиагностики: та самая химия команды возникла тогда, когда этого не предвидела ни одна инструкция отборочной комиссии. Наверное теперь начинается другая история.

Глава 1. Первый звонок

Из предстартового отчёта психолога миссии Ли Б. (засекречено): «Экипаж демонстрирует стабильную синергию. Но стабильность — признак замкнутой системы. Космос — система открытая. Единственный верный тест на совместимость — реальная угроза. Интересно, кто первым нарушит протокол, когда начнётся не симуляция, а жизнь. Или смерть».

За неделю до вылета всю команду собрали в главном корпусе «Купола». На экраны была выведена проекция космолёта и команда приступила к изучению своего перевозчика на ближайшие световые годы. Мягкий женский голос зачитывал аннотацию корабля.

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПАСПОРТ МКК «Возрождение» (МЕЖЗВЁЗДНЫЙ КОЛОНИЗАЦИОННЫЙ КОРАБЛЬ)

Эпоха: XXIII век (после серии провалов миссии «Ковчег»).

Класс: Межзвёздный колонизационный корабль (МКК)

Эпоха: 2215 год, XXIII век.

Верфь: Орбитальный комплекс «Звезда-3», сектор Лунной промышленной зоны.

Статус: Флагман первой межзвёздной экспедиции человечества.

Назначение: Поиск и терраформирование пригодных для колонизации экзопланет в радиусе 100 световых лет.

Форма «Возрождения» подчинена не только аэродинамике и инженерии, но и принципу «Текучей Симметрии» — философской концепции дизайна XXIII века, утверждающей, что космический корабль должен выглядеть как застывшее в янтаре движение, как идеальное тело, рождённое для полёта.

Корабль напоминает *драгоценный кинжал и стрелу одновременно*. Его линии лишены угловатости — каждый обвод плавно перетекает в другой, создавая ощущение непрерывного движения даже в статике. Он не построен — он выточен из титана, композитов и керамики, как ювелирное изделие гигантских масштабов.

Силуэт: Вытянутый, стремительный, с ярко выраженной осью симметрии. Передняя часть заострена, но не агрессивно — её завершает сфера носового отражателя, похожая на жемчужину. Центральная часть расширяется, вмещая основные отсеки, а корма плавно сужается, переходя в хвостовое оперение, напоминающее раздвоенный хвост ласточки или лезвия античного меча.

Материалы и цвет: Внешняя обшивка — «зеркальная броня» из многослойного композита с памятью формы, способная отражать до 99,8% теплового излучения. Цвет — глубокий, переливчатый перламутр, меняющий оттенок от серебристо-белого до бледно-голубого в зависимости от угла падения света. Никакой военной серости или утилитарного чёрного. «Возрождение» должен сиять, как звезда, как маяк надежды в чёрной пустоте.

ДЕКА 1. КОМАНДНЫЙ ЦЕНТР

Мостик: Идеальная сфера диаметром 12 метров, расположенная в самом носу корабля. Панорамный экран, опоясывающий всю сферу — «Око Возрождения» — способен отображать внешнее пространство в истинном масштабе, создавая эффект полного отсутствия стен. В центре — кресло капитана, подвешенное на магнитной левитации. Вся сфера пронизана голографическими интерфейсами, управляемыми взглядом и мыслью.

Центр связи: Массив квантовых передатчиков, способных отправлять пакеты данных на расстояние до 100 световых лет без задержки.

Навигационный мост: Комплекс из 12 кристаллических процессоров, непрерывно вычисляющих траекторию в многомерном пространстве.

ДЕКА 2. НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОМПЛЕКС

Биолаборатория: Полностью стерильное помещение с манипуляторами для работы с инопланетными образцами. Содержит мини-биосферу с земными растениями-донорами.

Физическая лаборатория: Полевой генератор, способный создавать локальные гравитационные аномалии для экспериментов с пространством-временем.

Ксенологическая лаборатория: Пустая комната, интерьер которой (стены, пол, потолок) состоит из программируемой материи, способной имитировать любую среду обитания для гипотетического контакта.

ДЕКА 3. ЖИЛАЯ ЗОНА

Кают-компания : Крупнейшее помещение корабля (15x40 метров). Панорамный потолок и стены заняты аквариумами с гидропонными растениями и тропическими рыбами. Искусственная гравитация — 0,7G для ощущения невесомости без вреда для здоровья. Мягкие зоны отдыха, синтезатор пищи с 10 000 рецептов, библиотека всех книг, когда-либо написанных на Земле.

Индивидуальные каюты: 100 модулей (3x5 метров). Каждый — персональное пространство с возможностью полной настройки гравитации, освещения, температуры и виртуального пейзажа за «окном».

Медицинский центр: Оснащён нанодокторами, биопринтером для органов, автохирургической капсулой и криокамерой для экстренной стазис-терапии.

ДЕКА 4. КРИОКОМПЛЕКС

Зал криогенного сна: криокапсулы, расположены по кругу. Капсула — совершенное произведение искусства из матового стекла и полированного металла. Внутри — гелевая суспензия янтарного цвета с нанороботами, поддерживающими жизнедеятельность. Снаружи — ни одной лишней линии, только плавный, обтекаемый овал. Стены зала — из живого светящегося мха (выращенного в биолоборатории), создающего рассеянный, успокаивающий свет.

Банк семян: Тысячи образцов всех растений Земли в состоянии анабиоза.

Генетический архив: ДНК каждого жителя Земли, согласившегося на участие в проекте, включая редкие виды животных и микроорганизмов.

ДЕКА 5. ИНЖЕНЕРНЫЙ ПОЯС

Главный реактор: Термоядерный реактор нового поколения «Мидас-7». Выглядит как огромная, идеально отполированная сфера, парящая в магнитном поле. При работе излучает ровное, голубое свечение. Способен обеспечивать энергией небольшой город в течение ста лет.

Цех 3D-печати: Универсальные фабберы, способные из бортовых запасов материалов напечатать любую деталь — от хирургического скальпеля до ровера.

Гидропонный комплекс: Трёхэтажная ферма, производящая свежие овощи, фрукты и зелень.

ДЕКА 6. МАШИННЫЙ ОТСЕК И ДВИГАТЕЛЬНАЯ

Машинный отсек: Сердце корабля, где расположены плазменные инжекторы, термоядерная камера и система магнитного удержания. Доступ — только через роботов и в экзоскелетах. Постоянный гул, переходящий в инфразвук. Температура — до 50°C.

Главный двигатель: Кольцевая сопловая решётка, создающая направленный поток плазмы. Характерная черта — отсутствие видимых движущихся частей. При работе светится ровным оранжевым светом.

Стабилизаторы-антенны: Два лезвия хвостового оперения, работающие как гравитационные антенны и стабилизаторы курса. Способны раскрываться веером для торможения в атмосфере.

«Возрождение» оснащён комбинированной двигательной системой.

Режим маневрирования (ионные двигатели): 12 малых ионных двигателей, расположенных по корпусу. Обеспечивают точные манёвры в пределах системы и стыковку.

Крейсерский режим (термоядерный): Плазменный двигатель с прямым впрыском. Максимальная скорость — 0,1 световой (30 000 км/с).

Импульсный режим (квантовый «Вихрь»): Экспериментальная технология, создающая вокруг корабля «пузырь Алькубьерре» малой мощности. Обеспечивает рывок на 0,5 световой на время до 72 часов. Запускается только с разрешения капитана и в чрезвычайных ситуациях.

Архитектура: Распределённая нейросеть с квантовым ядром.

Интерфейс: Голографическая проекция женской фигуры (настраиваемая) + тактильное управление.

«Возрождение» — это не просто корабль. Это символ. Символ того, что человечество, даже стоя на краю пропасти, способно создать не просто топор для разрушения, а произведение искусства, достойное звёзд. Он несёт в себе лучшее, что есть в людях: жажду знаний, волю к жизни и способность мечтать. И когда его сияющий, стремительный силуэт исчезнет в чёрноте космоса, на Земле останется только одна мысль: «Мы смогли. Мы сделали это. Возрождение началось».

После презентации команду отправили на отдых и изучение схем. На экране в кают-компании плавала голубая голограмма космического корабля. Ива ткнул пальцем в сияющую каплю корпуса.

— Вот тут — он увеличил изображение, — стоит этот чудо-движок. Выглядит как палочка для коктейля, а должен толкать нас к звёздам. Братья, вы уверены, что на чертежах всё учли?

Кирилл, не отрываясь от своего планшета, пробормотал.

— Учли. Двигатель — здесь. Система охлаждения для него — вот эти радиатор. Если что-то пойдёт не так, мы либо сгорим, либо замёрзнем. Красота.

Лия внимательно изучала расположение спасательных капсул. Она мысленно прикидывала приоритеты эвакуации.

«Возрождение» — не просто корабль. Это ковчег человеческих амбиций, хрупкая скорлупа, несущая в себе последнюю искру надежды целой цивилизации. Его успех или провал определит не только судьбу экипажа, но и ответ на вопрос: достойно ли человечество звёзд?»

Прошла неделя... Сирена резанула слух ровно в тот момент, когда Лия собиралась сделать глоток холодного кофе.

Это был тот самый звук — пронзительный, вибрирующий где-то в основании черепа, вырывающий из любых размышлений животный сигнал тревоги. Но сейчас это был не учебный модуль на Земле. Это был док «Омега» на высокой орбите, а за иллюминатором, пристыкованный, как спящий левиафан, висел их корабль — «Возрождение».

Голос корабельного ИИ, лишённый всякой эмоциональной окраски, прозвучал в общем канале:

«Обнаружена несанкционированная биологическая активность в шлюзе 5. Угроза задержки старта. Угроза заражения. Активация протокола изоляции «Кербер». Всем членам экипажа оставаться на местах».

На экране в кают-компании, где сидели Лия и Ива, карта корабля мигнула кроваво-красным в районе стыковочного кольца. Шлюз 5. Там шла последняя, самая ответственная погрузка — криобанки с генетическим архивом Земли.

— Ну вот, — сказал Ива, отодвигая таблетку с недоеденным синтезированным омлетом. — А я думал, скучно будет до самого старта.

Биологическая активность... Может, наш будущий лес пошутил и решил прорасти прямо в доке?

Он шутил, но его глаза, обычно смеющиеся, стали острыми, сканирующими. Взгляд уже прилип к экрану, где в углу маленького окна визуализации метались фигуры в комбинезонах службы снабжения.

Лия не ответила. Её пальцы уже летали по планшету, вызывая данные: логи погрузки, биометрика запертых в шлюзе грузчиков (пульс за 140, адреналин зашкаливает), код груза — «Био-Архив. Штаммы 451-500. Растительные культуры, споровые формы».

— Это не патоген, — произнесла она вслух, больше для себя. — Растительные споры. Но протокол «Кербер» считает любую незапланированную активность угрозой уровня «Альфа». Он захлопнет их там минимум на сутки.

— А нашим графикам это понравится? — спросил Ива, уже двигаясь к шкафу с аварийным снаряжением.

— Нет. Старт отложат. Возникнет каскад сбоев по всей цепочке. — Лия подняла на него взгляд. — Ты куда?

— Посмотреть поближе. Вдруг там просто ящик уронили, и какая-нибудь тысячелетняя пшеница булькнула. Успокою наших грузчиков, а то они от страха сейчас шлюз на куски разберут.

— Тебе приказали оставаться, — напомнила Лия, но в её тоне не было запрета. Был холодный расчёт.

— Мне много чего приказывали, — Ива уже натягивал лёгкий защитный комбинезон, не скафандр. Риск. — Но если мы сейчас сядем и будем ждать, пока начальство со станции и «Купола» согласует бумажки, мы тут ещё месяц проторчим. А у меня, знаешь ли, другие планы.

В этот момент в общий канал врезался ещё один голос — ровный, без интонаций, словно его синтезировал компьютер. Это был Мефодий.

—Протокол «Кербер» — избыточен. Данные с внутренних датчиков шлюза поступают. Спектральный анализ биосигнатуры подтверждает: растительные споры, активация геля-консерванта. Угроза для человека — 0,3%. Вероятность повреждения грузчиками оборудования под воздействием паники — 87%. Логично отключить изоляцию.

Следом, чуть более жёстко, добавил Кирилл.

— Взламываем блокировку на нашем уровне. У нас есть 10 минут, пока станция не ввела внешнее переопределение. Решение?

Они не спрашивали разрешения. Они констатировали факт и предлагали решение, взламывая систему. Лия мгновенно взвесила риски. Нарушение приказа — против. Срыв графика миссии, психологическая травма у грузчиков и возможный физический ущерб шлюзу — против. Данные братьев были точны. Их интуиция на тесте оказалась верна и здесь.

Она нажала кнопку связи с командным пунктом станции.

— Это психолог миссии «Возрождение» Лия. Паника в шлюзе 5 — первичная угроза. Запрашиваю разрешение на экстренную эвакуацию персонала. У нас есть данные, что биологическая угроза минимальна.

В ответ послышались помехи и взволнованный голос офицера безопасности «Омеги».

— «Возрождение», вам приказано ждать! Мы запускаем свой протокол диагностики! Нарушите карантин, получите выговор.

— Ваш протокол займёт 24 часа, — холодно парировала Лия. — У нас нет 24 часов. Экипаж «Возрождение» берёт ответственность на себя.

Она отключила канал и кивнула Иве.

— Иди. У тебя 5 минут, после чего братья откроют щит. Выведи их. Спокойно. Я буду вести их по связи.

— Спокойно, — усмехнулся Ива, поправляя перчатки. — Это я умею. Особенно когда сам слегка не спокоен.

Он выскользнул из кают-компания. Лия перевела взгляд на экран с братьями. Они молча смотрели в камеру с машинного отделения — бледные, сосредоточенные лица.

— Взламывайте, — сказала она.

На экране красный индикатор «КЕРБЕР АКТИВЕН» мигнул и погас.

Ива подошёл к тяжёлому аварийному щиту шлюза как раз в тот момент, когда гидравлика тихо вздохнула, и массивная створка отъехала на сантиметр. Из щели повалил холодный пар и странный, затхло-сладковатый запах — пахло землёй, чернозёмом и чем-то химическим.

Внутри, возле полураздавленного контейнера, из которого сочилась зелёная гелевая масса, стояли испуганные грузчики. Один, молодой, прижался к стене, глаза безумные. Второй, постарше, с сизыми усиками, трясущимися руками пытался что-то открутить на панели, явно желая сломать её.

— Эй, земляне! — громко, но без агрессии крикнул Ива, переступая порог. — Экскурсия окончена! Вам не повезло — вы первыми понюхали, как пахнет наше будущее. Как затхлый чердак с прелой картошкой, да?

Он подошёл ближе, блокируя собой панель от дрожащих рук старшего.

— Всё под контролем, — сказал он уже тише, глядя ему прямо в глаза. — Это не чума. Это, блин, семена. Просто гель активировался. Сейчас мы выйдем, вас проверят, и всё будет ок. Дыши ровно.

В ушах у него звучал ровный голос Лии.

— Ива, возьми младшего под локоть. Ведущий грузчик — Василий. Обращайся по имени. Говори, что его напарнику нужна его помощь, чтобы выйти.

— Василий, — повторил Ива, хватая младшего под руку. — Помоги-ка мне его вытащить, а то он тут заснул. Идём, герои, идём. Самая опасная часть миссии — разгрузка — позади.

Он вывел их из шлюза ровно в тот момент, когда по общему каналу снова заговорил голос, но на этот раз с другой интонацией — это был уже голос с «Омеги», полный гнева и беспомощности.

— «Возрождение»! Вы что себе позволяете?! Немедленно верните персонал в зону карантина! Это прямое нарушение!

Щит шлюза с грохотом захлопнулся за спинами троих. Ива обернулся, посмотрел на глазок камеры в углу и показал большой палец вверх.

Первый звонок прозвенел. И команда ответила. Не по инструкции. Но — вместе.

Тишина в капитанской рубке «Возрождения» была густой, почти осязаемой. Командир миссии, Алексей Волков, человек с лицом, изрезанным не столько возрастом, сколько годами в глубоком космосе, медленно обводил взглядом четверых, стоящих перед ним.

На столе лежал планшет с отчётом об инциденте в шлюзе.

— По пунктам, — его голос был низким, беззвучным, как скрип двери в пустом отсеке.

— Нарушение статьи 7.3: самовольное оставление поста во время тревоги. Ива Иванов.

— Нарушение статьи 14.1: несанкционированное вмешательство в работу систем корабельной безопасности. Кирилл и Мефодий Соколовы.

— Нарушение статьи 5.8: принятие оперативного решения, противоречащего указаниям центра управления полётами. Лия Белова.

Он сделал паузу, давая тяжести обвинений осесть.

— Из-за вашего «героизма» у меня сейчас на связи три взбешённых начальника с «Омеги» и 4 чиновника из «Купола», требующих ваших голов на блюде и отмены старта. Что вы можете сказать в своё оправдание? Что вы там, в этом шлюзе, увидели такого, чего не увидели их датчики и протоколы?

Первой заговорила Лия. Не оправдываясь, а констатируя.

— Командир, мы увидели людей. Система видит угрозу. Её логика бинарна: угроза есть / угрозы нет. Наша задача — видеть нюансы. Риск от споров был исчезающе мал. Риск от паникующих людей в замкнутом пространстве с доступом к интерфейсам — высок. Мы предотвратили потенциальный ущерб кораблю и психологическую травму, которая могла аукнуться при опросе выживших и привести к задержкам куда серьёзнее.

— Мы дали системе то, чего ей не хватало, — тихо добавил Мефодий, не глядя на командира, а куда-то в сторону, на схему двигателя на стене. — Контекст.

— А я просто открыл дверь, — пожал плечами Ива. — Которая, между прочим, заклинчила бы на сутки. А что, если бы через эти сутки случилось что-то реальное? Мы бы сидели в этой консервной банке и чесались.

Волков молча смотрел на них. Уголки его губ дрогнули — не в улыбку, а в нечто, отдалённо напоминающее гримасу уважения.

— Контекст, — повторил он. — Красивое слово. Знаете, чем отличается учебный тест от реального полёта? В тесте есть правильный ответ. В полёте — есть только последствия. Ваши последствия — сорванные нервы у командования и спасённые идиоты, которые не умеют обращаться с хрупким грузом. Мои последствия — я должен теперь защищать ваше решение.

Он откинулся в кресле.

— Протокол о нарушениях будет составлен. И прикреплен к вашему личному делу. А сейчас — свободны. И да поможет вам Бог, если ваш «контекст» когда-нибудь окажется ошибкой. Потому что тогда последствия будут измеряться не выговорами, а жизнями. Всей миссии.

После разбора, словно по негласному согласию, они оказались не в кают-компании, а в Главной галерее. Длинный, слабо освещённый туннель, стены которого представляли собой сплошную решётку из криокамер. Тысячи лиц, застывших во сне, уходящих в темноту. Гул систем жизнеобеспечения был здесь похож на ровное, мерное дыхание гиганта.

Ива остановился у одной из капсул в нижнем ряду. Девочка, лет семи. В её профиле было что-то беззащитное и бесконечно далёкое от всей этой металлической логики корабля, протоколов и сирен.

— Вот и весь наш груз, — тихо сказал он, уже не шутя. — Не генетические банки и не теоремы. Они.

Кирилл, стоя рядом, скользнул взглядом по индикаторам капсулы.

— Показатели стабильны. Цикл сна не нарушен. Наша модификация... работает.

— Работает, — кивнул Мефодий, касаясь ладонью холодного стекла капсулы. — Но это только система. Главный тест... впереди.

Лия наблюдала за ними, отойдя на шаг. Её аналитический ум, уже составлявший отчёт о групповой динамике после инцидента, вдруг дал сбой. Она видела, как Ива вынул из кармана смятый стикер, быстро нацарапав на нём маркером улыбающуюся рожицу и прилепил его снаружи, на стекло капсулы девочки. Примитивно. Не по регламенту. Бессмысленно.

И почему-то именно этот бессмысленный поступок вызвал в её груди странный, тёплый и тревожный спазм. Нечто, не входившее ни в один протокол психологического наблюдения.

Её взгляд случайно упал на одну из камер в дальнем конце галереи. Она отличалась от других. Не стандартный серийный номер, а маркировка «СЛ-00» и гриф «Секретно». Камера была больше, массивнее, и к ней вели не штатные трубопроводы, а какие-то дополнительные, куда более толстые магистрали, уходящие вглубь корабля, в сторону машинного отделения. Тайный груз. Устройство или образец, о котором ничего не сказали. Лия запомнила код. В её внутреннем отчёте появилась новая, секретная строка: «На борту присутствует неучтённый фактор. Гриф «Секретно». Требуется наблюдения».

В этот момент по всему кораблю, мягко, но неумолимо, зазвучал голос ИИ «Возрождения».

— Внимание всему экипажу. Подготовка к старту переходит в финальную фазу. Т-минус 60 минут до активации двигателя гиперскачка. Процедура погружения в криосон для экипажа первой вахты начнётся через 30 минут. Пожалуйста, проследуйте к капсулам.

Голос был тем же, что и объявлял тревогу. Но теперь в нём слышалась не угроза, а судьба. Ива оторвался от капсулы девочки, посмотрел на братьев, на Лию.

— Ну что, команда? Начинаем старт, идем на свой пост, а по пути не забудьте капсулы криосна проверить.

Братья молча кивнули и пошли по направлению к своим капсулам инженерного состава, уже обсуждая на ходу последние показатели гравикомпенсаторов.

Лия задержалась на мгновение, её взгляд скользнул от улыбающейся рожицы на стекле к удаляющейся спине Ивы, а затем — к таинственной камере «СЛ-00» вдалеке.

— Да, — тихо сказала она себе, а не ему. — Стартуем.

Она развернулась и ровным, уверенным шагом пошла к своему месту — капсуле психолога миссии, рядом с командным модулем. Её лицо снова было безупречной маской профессионала. Но внутри, под рёбрами, всё ещё отдавалось эхом, то странное тепло. И холодная тень от грифа «Секретно».

Голос ИИ продолжил, и его слова повисли в воздухе галереи.

— Системы готовы. Удачи, «Возрождение».

Где-то в глубине корабля, в бронированном отсеке, бесшумно гудело устройство под грифом «Секретно», готовое к пробуждению в чужих мирах.

Глава 2.Отрыв

Из служебной записки советника «Купола»: «Проект «Возрождение» — не просто миссия. Это будущее человечества. Корректировка курса — не ошибка в расчётах. Это приоритет».

Тишина на мостике «Возрождения» перед стартом была особая — напряжённая, густая, как перед ударом грома. Не физическая тишина, её заполнял ровный гул работающих реакторов, щелчки реле, тихое шипение систем. Это была тишина сосредоточенной воли.

Командир Алексей Волков стоял перед главным экраном, на котором в реальном времени отображались данные предстартовой проверки. Зелёные строки бежали одна за другой.

«СЕКЦИЯ А: КРИОКАМЕРЫ. ПРОВЕРКА ЗАВЕРШЕНА. 10 000 ЕДИНИЦ. СТАТУС: НОМИНАЛ. ЦИКЛ СНА АКТИВИРОВАН».

«СЕКЦИЯ Б: ГЕНЕТИЧЕСКИЙ АРХИВ. ИНТЕГРИРОВАН. КОНТЕЙНЕРЫ ЗАПЕЧАТАНЫ».

«СЕКЦИЯ В: СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ. ДАВЛЕНИЕ, ТЕМПЕРАТУРА, СОСТАВ АТМОСФЕРЫ — В НОРМЕ».

Ива, Кирилл, Мефодий и Лия уже находились на своих местах — операторских постах второй линии, наблюдая. Их собственная очередь в криосон наступит через 30 минут, после выхода на расчётную траекторию. Сейчас они были живыми свидетелями отрыва.

— Последний этап, — голос Волкова был спокоен, но в нём слышалось металлическое напряжение. — Подтверждаем готовность к получению финальных координат от «Купола».

На экране возникло лицо человека в безупречном костюме, на фоне стерильного кабинета с видом на парк «Купола». Советник. Его улыбка была отрепетированной, как у актёра.

— «Возрождение», приём. Поздравляю с выходом на финишную прямую. Ваш подвиг вдохновляет миллионы. Передаю финальный пакет навигационных данных. Учтите последние... уточнения наших астрофизиков.

На главный компьютер корабля пошёл зашифрованный поток. Кирилл и Мефодий, не сговариваясь, наклонились к своим терминалам. Их пальцы замерли над клавиатурами.

— Принимаем, — откликнулся Волков. — Ждём расшифровки и интеграции.

Прошло несколько томительных минут. Потом Мефодий, не отрываясь от экрана, произнёс тихо, но так, что услышали все:

— Сдвиг.

— Уточни, — бросил Волков.

— Целевые координаты, — включился Кирилл, его голос был ровным, но в нём впервые зазвучала лёгкая, почти неуловимая нота недоумения. — Они изменились. Не корректировка курса на проценты. Новый вектор. Удаление... плюс 50 световых лет к первоначальным расчётам.

На мостике повисло молчание. Плюс 50 световых лет. Это не «уточнение». Это принципиально другая точка в галактике.

— «Купол», — голос Волкова стал холодным, как космический вакуум. — Объясните расхождение. Наши расчёты, наши симуляции, всё было завязано на первоначальный сектор.

Лицо советника на экране не дрогнуло.

— Командир Волков, наука не стоит на месте. Данные, полученные с телескопа «Горизонт» всего неделю назад, полностью перевернули наши представления. В указанном секторе — гравитационная аномалия, признаки протопланетного диска, но не стабильного мира. А вот здесь... — на экране рядом с его лицом всплыла новая схема, — мы видим практически идеальную копию Земли на стадии, отстающей на несколько миллиардов лет. Нетронутые ресурсы,

чистая биосфера. Это не ошибка, командир. Это — удача. Мы даём вам не «возможную» планету, а гарантированную. Разве не этого мы все хотим?

Напряжение висело в воздухе, плотное и очевидное. Но они знали на что шли. Внештатные и неожиданные ситуации в договоре группы обговаривались предварительно.

Ива свистнул себе под нос.

— Гарантии в космосе... Звучит как «бесплатный сыр». Интересно, кто его там, в этой «гарантии», уже заготовил?

Лия быстро анализировала. Новые координаты означали перерасчёт всего: времени в пути, ресурсов, нагрузок на двигатель. И главное — полную потерю связи с Землёй после прыжка. Никаких уточнений, никакой помощи. Только они и новая цель.

Волков сжал кулаки, костяшки побелели. Он понимал то же самое. Но он также понимал, что спорить сейчас — значит поставить под угрозу всю миссию. «Купол» никогда не отступит. Это был ультиматум, прикрытый улыбкой.

— «Купол», — наконец сказал он, и в его голосе была вся тяжесть принятого решения. — «Возрождение» подтверждает получение новых координат. Вносим коррективы. Готовимся к старту.

Связь прервалась. Изображение советника сменилось звёздной картой с ярко мигающей новой целью — одинокой точкой в абсолютно чужом, неисследованном рукаве галактики.

— Братья, — Волков повернулся к Кириллу и Мефодию. — Пересчитайте всё. Нагрузки, график криосна, ресурсы. Мне нужна ясность, что корабль это выдержит.

— Двигатель выдержит, — почти сразу отозвался Мефодий, его взгляд был прикован к схемам гиперпространственного контура. — Конструкция... имеет запас. Но время в пути увеличится на 18,7%.

— Значит, спать будем дольше, — пробормотал Ива. — Главное — не проспать свою остановку.

Работа закипела. Таймер криосна группы был отложен. Последние часы перед стартом пролетели в лихорадочной активности. Волков отдавал чёткие команды, братья вносили коррективы в бортовой ИИ, Лия обновляла психологические протоколы для экипажа с учётом возросшего времени миссии. Ива помогал, где мог, его шутки стали реже и острее.

Наконец наступил момент. Все системы были зелёными. Новый курс заложен.

Волков занял своё кресло в центре мостика. Он внимательно посмотрел на свою команду, которая уже успела нарушить все правила и спасти миссию.

— Экипаж «Возрождение», — его голос прозвучал в общем канале, записываясь в историю. — Все системы готовы. Цель задана. Мы уходим не просто из Солнечной системы. Мы уходим из-под опеки старого мира. Что ждёт нас там — не знает никто. Но это наш путь. Стартовая последовательность... активирована.

Он нажал физическую, а не сенсорную, кнопку. Красную.

По всему кораблю прокатилась волна низкочастотного гула. Это был не звук двигателей — они работали беззвучно. Это вибрировала сама конструкция «Возрождения», напрягаясь перед прыжком. За иллюминаторами звёзды не понеслись с бешеной скоростью. Они смазались, растянулись в тонкие разноцветные нити, а потом и вовсе исчезли, сменившись неестественной, пугающей чернотой, прорезаемой лишь сполохами энергии гиперпространства.

Прыжок состоялся. Земля, Солнце, весь знакомый космос остались позади. Навсегда.

Через несколько часов, когда корабль вышел на стабильный курс в гиперпространственном коридоре, наступило время. Время сна.

Волков обошёл мостик, лично проверив каждый терминал.

— Ваша очередь команда. В капсулы. Я... проследую за вами.

Они молча кивнули. Никаких пафосных прощаний. Просто взгляды, в которых было всё: понимание, принятие и та самая, рождённая в шлюзе №5, странная надежда.

Лия, Ива, Кирилл и Мефодий покинули мостик, направляясь к своим криокамерам в другом отсеке.

Волков остался один. На огромном экране перед нимплыли гипнотические узоры гиперпространства. Он постоял так несколько минут, слушая ровное дыхание корабля. Потом снял с шеи старый, потёртый жетон — память о другой миссии, другом экипаже, который не вернулся. Положил его на панель управления.

— Ладно, — тихо сказал он пустому мостику. — Поехали.

Он развернулся и ровным, твёрдым шагом пошёл в сторону своей командирской криокамеры, расположенной в самом сердце корабля. Дверь в капсулу с мягким шипом открылась, принимая его. Холодный туман хлынул наружу.

Перед тем как сделать последний шаг внутрь, он обернулся, бросив прощальный взгляд на экран .

«СПОКОЙНОЙ НОЧИ, КОМАНДИР. ДО ВСТРЕЧИ В НОВОМ МИРЕ», — проявились слова на экране, инициированные бортовым ИИ.

Алексей Волков лёг в капсулу. Стеклопанная крышка закрылась. Холод начал мягко обволакивать тело. Последнее, что он увидел перед тем, как сознание поплыло, было отражение его собственного лица в матовом стекле — усталое, решительное и навсегда оставшееся бодрствовать в его снах.

«АКТИВАЦИЯ КРИОСНА. ЦИКЛ НАЧАТ. ВРЕМЯ ДО ПРИБЫТИЯ: 50 ЛЕТ 4 МЕСЯЦА 18 ДНЕЙ...».

Мостик погрузился в тишину, нарушаемую лишь мерным гулом машины, несущей десять тысяч спящих душ и одну старую тайну в сердце чёрной пустоты.

Глава 3. Сторож

Из технических записей (гриф «Совершенно секретно»): «Биосинтетик серии «Сторож» не является членом экипажа. Это активный элемент системы корабля. Его задача — обеспечить целостность миссии в период криосна любой ценой. Включается только при угрозах уровня «Омега». После устранения угрозы подлежит деактивации и диагностике. Память подлежит очистке. Он не должен помнить».

50 лет — это не время. Это состояние.

«Возрождение» плыл по гиперпространственному коридору, как игла в стоге космического сена — невидимо, беззвучно, вне законов знакомой физики. Внутри царила искусственная вечность. Галереи криокамер освещались тусклым аварийным светом, в котором застывшие лица колонистов казались скульптурами в забытом музее. Гул систем был настолько ровным и привычным, что переставал восприниматься, становясь новой тишиной.

Ничто не предвещало сбоя.

Сбой пришёл изнутри. Не громкий, не драматичный. Просто в одном из дальних инженерных отсеков, там, где проходили магистрали охлаждения к двигателю гиперскачка, датчик давления зафиксировал аномальный рост температуры. На доли процента. Через 43 минуты второй датчик, в соседнем контуре, показал микровибрацию, не вписывающуюся в алгоритм. Это не было катастрофой. Это было семя будущей катастрофы. Каскадная неисправность, которая через месяцы или годы привела бы к перегреву и разрыву гиперпространственного поля, разбросав «Возрождение» в виде молекулярной пыли.

Бортовой ИИ, следуя протоколам, запустил все дистанционные средства устранения. Не помогло. Физическое вмешательство было невозможно — отсек находился в зоне смертельной радиации и экстремальных температур, куда не мог войти человек даже в скафандре. Угроза достигла уровня «Омега».

И тогда, в самом сердце корабля, в бронированной капсуле с маркировкой «СЛ-00», что-то щёлкнуло.

Стекло капсулы не открылось. Оно *растворилось*, втянувшись в раму. Из клубов холодного тумана на свет шагнула фигура. Человеческая. Или почти человеческая.

Это был мужчина. Высокий, с короткими тёмными волосами, с характерными чертами лица и волевым подбородком. Он был одет в простой тёмный комбинезон без опознавательных знаков. Его глаза открылись. Радужка была неестественно яркого, спокойного голубого цвета. В них не было ни пробуждения, ни удивления, ни страха. Был только немедленный, полный анализ окружающей обстановки, занявший доли секунды.

«Активация по протоколу «Омега-7». Угроза идентифицирована: каскадный сбой в магистрях охлаждения сектора 7-Гамма. Цель: локализация и ремонт. Ограничения: временной лимит — 47 минут до необратимых повреждений. Радиационный фон — критические 5000 бэр. Термозащита — на пределе. Вероятность успеха: 67,3%».

Информация пронеслась в его сознании не как голос, а как прямой поток данных. Он был Сторожем.

Не тратя времени на раздумья, Сторож двинулся. Его походка была идеально ровной, эффективной, без лишних движений. Он прошёл по пустынным коридорам, мимо спящих в криокамерах людей. Его голубой взгляд скользнул по ним без интереса. Они были частью груза. Важной, но пассивной. Его задача — сохранить груз.

Дверь в аварийный инженерный отсек была заблокирована. Сторож приложил ладонь к сенсорной панели. Кожа на его кончиках пальцев на миг стала полупрозрачной, обнажив сложный биосинтетический узор. Панель мигнула зелёным, признав в нём часть системы корабля, и открыла доступ.

За дверью был ад.

Воздух дрожал от жары, видимой невооружённым глазом. Металл стен светился тусклым багровым светом. Датчики на комбинезоне Сторожа замигали тревожным красным. Радиация. Термозащита выдержит ровно 46 минут. Потом начнётся распад его биосинтетических тканей.

Он действовал с пугающей, нечеловеческой точностью. Его движения напоминали танец хирурга-виртуоза в эпицентре взрыва. Он не искал инструменты — он знал, где они. Его пальцы, не чувствуя боли от раскалённого металла, снимали панели, отсоединяли прогоревшие контакты. Он видел не просто поломку — он видел *логику сбоя*, его первопричину: микротрещину в сварном шве, возникшую ещё на верфи «Купола» и медленно растущую под нагрузкой гиперпространственных колебаний.

Ремонт требовал невозможного: нужно было заменить участок трубы под чудовищным давлением, без отключения системы. Человек стал бы думать, паниковать, искать обходные пути.

Сторож просто действовал. Он нашёл аварийный клапан, стравил давление в изолированный контур (рискуя создать новую проблему), и нанёс на трещину специальный полимер из ремонтного модуля — состав, который при такой температуре застывал за секунды, образуя связь прочнее исходного металла. Это было решение не по учебнику. Это было решение системы, направленное на одну цель: выживание корабля.

На его лице не было ни капли пота, ни гримасы напряжения. Только абсолютная концентрация. Но в самые критические моменты, когда раскалённый металл прожигал его перчатку и касался синтетической кожи, в его голубых глазах на долю микросекунды вспыхивала искра. Не боли — это было невозможно. Нечто иное. Крайне слабый электрический импульс в нейросети, похожий на осознание. Осознание действия, риска, цели.

«Время: 41 минута 12 секунд. Угроза локализована. Целостность контура восстановлена на 94%. Достаточно для завершения миссии. Радиационное поражение: 23%. Термоповреждения: значительные. Рекомендована немедленная деактивация и регенерация» .

Задача была выполнена. Сторож вышел из пекла. Дверь закрылась за его спиной, снова изолируя адский отсек. Его комбинезон дымился в нескольких местах. Конструкция правой руки почернела и облезла.

Он должен был вернуться в свою капсулу. Протокол неумолим.

Но по пути, проходя мимо Главной галереи, он остановился. Его взгляд, всегда направленный на цель, на считывание данных, вдруг задержался на одной из обычных криокамер. На той самой, к внешнему стеклу которой был прилеплен смешной, криво нарисованный смайлик.

Сторож замер. Его процессор, обрабатывающий терабайты технических данных, на миг дал сбой. В его поле зрения возник не объект, а образ. Детское лицо за стеклом. Бумажная рожица. Связь между ними. Бессмысленная, иррациональная связь, не вписывающаяся ни в один протокол.

Он протянул руку — повреждённую, обугленную. И почти коснулся стикера. Но не дотронулся. Его пальцы замерли в сантиметре от бумаги.

«Аномалия. Восприятие вне целевых параметров. Сбой в сенсорно-аналитическом контуре. Требуется диагностика».

Он резко отдернул руку, как от огня. Его лицо снова стало пустой, безупречной маской. Голубые глаза потухли, вернувшись к состоянию простых оптических сенсоров.

Сторож развернулся и ровным шагом пошёл обратно к своей капсуле. Он лёг внутрь. Стекло сформировалось заново, запечатав его. Система запустила процесс регенерации повреждённых тканей и принудительной очистки оперативной памяти событийного ряда.

Туман снова заполнил капсулу.

В Главной галерее снова было тихо. Только смайлик, криво улыбающийся в тусклом свете, был свидетелем. Свидетелем того, что в сердце машины, созданной для холодного расчёта, на миг мелькнула тень чего-то иного.

Глава 4. Пробуждение

Из личного дневника Лии (шифрованная запись): «50 лет субъективного сна. Для мозга — мгновение. Для души — вечность. Просыпаешься не отдохнувшим. Просыпаешься другим. Интересно, кто из нас изменился больше всех? И изменился ли хоть кто-то?»

Холод был не пронизывающим, а отступающим. Он отползал от кожи, уступая место лёгкому, нарастающему покалыванию, как будто миллионы крошечных иголок мягко возвращали тело из небытия в реальность.

Сознание Лии всплывало из глубин, фрагментарно, как обломки корабля после взрыва. Сначала — только данные : криосон прерван. Стандартная процедура. Время до прибытия: 30 дней 00 часов 00 минут. Температура тела: 35,2 и растёт. Нейронная активность в норме. Потом — ощущения: мягкое давление кушетки под спиной, вкус металла и антисептика на языке, слабый гул корабля. Их корабля.

Она открыла глаза. Матовое стекло крышки капсулы было запотевшим изнутри. Через него проступали смутные очертания помещения — медотсека. Процедура прошла штатно. Она была жива. Они были живы.

Протокол пробуждения был отработан до автоматизма. Серия упражнений для восстановления мышечного тонуса, проверка когнитивных функций (она безошибочно решила три логические задачи, предложенные ИИ), первая лёгкая пища в виде питательного геля. Через два часа она уже стояла под душем, смывая с кожи остатки криогенного раствора, и чувствовала, как к ней возвращается её главный инструмент — холодная, ясная аналитика.

Она была первой на мостике. Мониторы мягко светились, показывая ту же самую, гипнотическую картину гиперпространства, что и 50 лет назад. Ничего не изменилось. Или изменилось всё.

Следующим появился Ива. Он вошёл, потирая шею и корча гримасу.

— И кто придумал, что сон на камне — это полезно? У меня впечатление, что я всю дорогу провёл в позе эмбриона внутри стиральной машины. — Он посмотрел на экран. — О, а вид из окна тот же. Скучновато. Ни одного рекламного щита.

Но его шутка была немного натянутой, а глаза, быстро скользнув по показаниям основных систем, были внимательными, острыми. Он тоже всё проверил, просто сделал это своим способом.

Братья пришли вместе, как и всегда. Они не говорили о сне. Они сразу подошли к своим терминалам и погрузились в потоки данных. Через несколько минут Кирилл, не оборачиваясь, произнёс:

— Все системы в норме. Погрешность в 0,03% по мощности двигателя. В пределах допустимого.

— Но есть аномалия, — добавил Мефодий тихо.

На мостике наступила тишина.

— В секторе 7-Гамма, — продолжил Кирилл, выводя на общий экран графики. — Зафиксировано вмешательство в системы охлаждения магистралей гиперскачка. Примерно... 43 года назад по корабельному времени. Вмешательство физическое. Ремонт высшего класса. Не автопочинка. И не по нашим схемам.

Лия почувствовала, как по спине пробежал холодок, не имеющий отношения к криосну.

— Дистанционный ремонт? — спросила она.

— Невозможно, — отрезал Мефодий. — Там радиация под 5000 бэр. И температура за 300. Ни один дрон не выжил бы. Ни один человек — и подавно.

Ива присвистнул.

— Призрак машинного отделения? Или у нас на борту завёлся тайный поклонник техники, который чинит всё, пока мы спим? Может, это тот самый секретный груз из камеры «СЛ-00» решил размять косточки?

Все посмотрели на него, а затем их взгляды невольно обратились к командиру Волкову, который как раз входил на мостик. Он выглядел старше. Не физически — криосон сохранял тело. Но в его глазах, в складках у рта, будто отпечатались те самые 50 лет ожидания и ответственности.

— Командир, — начала Лия, собравшись с мыслями. — В системах зафиксировано необъяснимое внешнее вмешательство. Высококласный ремонт в зоне, недоступной для экипажа. Мы связываем это с объектом в камере «СЛ-00».

Волков выслушал молча, его лицо не дрогнуло.

— Данные принял, — сказал он сухо. — Внесите в журнал как «внештатную ситуацию с благоприятным исходом». Расследование отложить.

— Отложить? — не удержался Ива. — Алексей Сергеевич, там, в той железной шкатулке, что-то живое и умное ползало по раскалённым трубам! Мы не знаем, что это, зачем оно и не готовится ли оно сейчас, например, к тому, чтобы перенаправить нас напрямик в сердце звезды, пока мы снова не уснули?

— Иванов, — голос Волкова стал тише, но от этого только твёрже. — Объект «СЛ-00» находится под грифом «Секретно». Наш протокол взаимодействия с ним активируется только после прибытия к цели, и только при наличии специального кода, который есть у меня. До тех пор он — часть корабля. Как гравикомпенсатор или система фильтрации. Мы его не трогаем. Мы его не вскрываем. Мы о нём не говорим. Понятно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.